

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

100 И 1 ЦИТАТА

Достоевский пришел на Землю, чтобы «Мысль разрешить». Он ставит перед нами вечные вопросы бытия: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?», «Тварь я дрожащая или право-имею?», «Это человек-то вошь?», «Стоит ли мировая гармония слезинки хотя бы одного только замученного ребенка?». И на эти, надо сказать, очень неудобные вопросы каждый из нас рано или поздно должен дать себе внятный ответ, ведь по-прежнему прав Достоевский: «Если Бога нет, то все позволено».

«ЖИЗНЬ ЕСТЬ РАЙ. И ВСЕ МЫ В РАЮ, ДА НЕ ХОТИМ ЗНАТЬ
ТОГО, А ЕСЛИ БЫ ЗАХОТЕЛИ УЗНАТЬ, ЗАВТРА ЖЕ
И СТАЛ БЫ НА ВСЕМ СВЕТЕ РАЙ»

Александр Борисович Галкин

Достоевский Ф.М.:

100 и 1 цитата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23395882

ООО «Проспект»; 2016

ISBN 9785392235902

Аннотация

Книга выстроена в духе и стиле Ф. М. Достоевского – как волнующий и задушевный разговор писателя с читателем. Цитаты из устных и письменных высказываний знаменитого писателя, с одной стороны, иллюстрируют яркие факты его биографии, а с другой стороны, вовлекают читателя в глубокий и напряженный философский и нравственный диалог с миром героев «Записок из подполья», «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых». В книге звучат как известные и малоизвестные слова знаменитых персонажей Достоевского, так и его собственные высказывания о человеке и мире из «Дневника писателя» и записных книжек. Эти цитаты рисуют особенный и неповторимый духовный облик писателя-пророка и тайновидца человеческих душ. Монтаж из ярких цитат сопровождается лаконичным комментарием составителя книги. Пояснения помогут читателю разобраться в хитросплетениях жизненных ситуаций, составляющих биографию Достоевского,

а также понять сущность, смысл, контекст цитируемых высказываний его персонажей. Книга обращена ко всем любителям творчества Ф. М. Достоевского и в особенности будет полезна учащимся старших классов, учителям литературы, студентам и преподавателям гуманитарных вузов.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	11
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	33
Глава 4	39
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Составитель А. Б. Галкин
Ф. М. Достоевский
100 и 1 цитата

ebooks@prospekt.org

Предисловие

Можно ли узнать жизнь и творчество Ф. М. Достоевского по сто и одной цитате? И да и нет!

Сто одна цитата — не так уж мало, чтобы удивиться загадочной судьбе гения, но вместе с тем не так уж много, чтобы эту загадку разрешить. И все-таки велик соблазн вложить в это «прокрустово ложе» глубокое и значимое содержание, насколько возможно.

Как же в таком случае отобрать цитаты, если полное академическое собрание сочинений Ф. М. Достоевского составляет 30 томов, а о жизни гениального русского писателя написаны десятки тысяч биографий на разных языках? Три из них на русском языке вышли в серии «Жизнь замечательных людей» [Л. П. Гроссмана (1962), Ю. И. Селезнева (1985) и Л. И. Сараскиной* (2011)]. Цитаты из самого Достоевского и о нем могут легко заполнить полки Библиотеки Конгресса США или нашей Российской государственной библиотеки, бывшей Ленинки.

Впрочем, в голове всякого читателя складывается собственный образ Достоевского, и каждый запоминает близкие ему по духу цитаты. Справедливо мнение, что тот, кто прочитал Достоевского, будет не похож на себя, Достоевского не

читавшего. Действительно, Достоевский меняет людей, потому что он психолог, или, как он говорил о себе, «реалист в высшем смысле». Достоевский открывает в душе каждого из нас две бездны: «идеал Мадонны» и «идеал содомский». Поистине, по слову героя Достоевского Мити Карамазова, «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Достоевский пришел на Землю, чтобы «мысль разрешить». Он ставит перед нами вечные вопросы бытия: «свету ли перевернуться или мне чай пить?», «тварь я дрожащая или право имею?», «это человек-то вошь?», «стоит ли мировая гармония слезинки хотя бы одного только замученного ребенка?». И на эти, надо сказать, очень неудобные вопросы каждый из нас рано или поздно должен дать себе внятный ответ, ведь по-прежнему прав Достоевский: «Если Бога нет, то все позволено».

Одним словом, всем вместе и каждому в отдельности жизненно необходим Достоевский — писатель, философ и психолог, потому что он неизменно будит нашу совесть и вытаскивает наружу то мучительное и сокровенное, что мы предпочитаем спрятать от себя на самое дно души, делая вид, что его не существует. Однако есть также Достоевский-человек со своей уникальной биографией заговорщика, государственного преступника, солдата, писателя, властителя дум и пророка. Другими словами, жизнь гения всегда поучительна, всегда достойна пристального внимания, изучения и удивления.

Вот почему книга делится на две части: жизнь и творчество.

В первой части из цитат, составленных из рассказов самого Достоевского о себе и пояснительных комментариев к ним, вырастает биография писателя и человека. Отзывы и краткие воспоминания современников писателя дополняют картину.

Во второй части Достоевский говорит о жизни, человеке и мире по большей части устами своих героев. Эта часть построена как музыкальный контрапункт, подобный фугам Иоганна Себастьяна Баха. Чтобы воссоздать цельный, гармоничный мир Достоевского, необходимо отразить его во всем многоголосии, полифоничности и противоречивости, поэтому герои спорят друг с другом, отражая крайние позиции в их отношении к человеку, но в эту полифонию включается голос и самого Достоевского в виде цитат из его «Дневника писателя», писем, записных книжек, черновиков к произведениям. Этот авторский голос призван уравновесить полярные мнения и дать читателю якорь надежды, веры и любви в океане страдания и ненависти.

Таким образом, цитаты из устных и письменных высказываний знаменитого писателя, с одной стороны, иллюстрируют яркие факты его биографии, а с другой — вовлекают читателя в глубокий и напряженный философский и нравственный диалог с миром героев «Записок из подполья», «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Под-

ростка» и «Братьев Карамазовых».

Музыкальный принцип выстраивания цитат из произведений Достоевского в качестве ведущей темы и вариаций к ней также, на наш взгляд, естественно и органично выражает художественное мышление Достоевского, близкое к музыкальному. Достоевский точно композитор, только словесный композитор идей и образов: его произведения как будто рождаются из духа музыки. Пять его знаменитых романов («пятикнижие») по замыслу, масштабу и исполнению едва ли уступают вагнеровскому «Кольцу Нибелунгов», а в литературе, пожалуй, намного его превосходят.

Мне хотелось выстроить книгу в духе и стиле Достоевского — как волнующий и задушевный разговор писателя с читателем. В книге звучат как известные и малоизвестные слова знаменитых персонажей Достоевского, так и его собственные высказывания о человеке и мире. Эти цитаты рисуют особенный и неповторимый духовный облик писателя-пророка и тайновидца человеческих душ. Монтаж из ярких цитат сопровождается лаконичным комментарием автора книги. Пояснения помогут читателю разобраться в хитросплетениях жизненных ситуаций, составляющих биографию Достоевского, а также понять сущность, смысл, контекст цитируемых высказываний его персонажей. Авторские комментарии, кроме того, знакомят читателя с историей создания и публикации главных его произведений, в особенности знаменитого «пятикнижия» (романы «Преступление

и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»).

Нумерация цитат сплошная. Цитаты сверены и даются по Полному академическому собранию сочинений Ф. М. Достоевского в 30 томах [Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом)] под редакцией академика Г. М. Фридендера.

Книга обращена ко всем любителям творчества Ф. М. Достоевского и в особенности будет полезна учащимся старших классов, учителям литературы, студентам и преподавателям гуманитарных вузов.

А. Галкин

Часть первая

Жизнь: «...через большое горнило сомнений моя осанна прошла...»

«И в Европе такой силы атеистических выражений нет и не было. Стало быть, не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла, как говорит у меня же, в том же романе, черт»^{**}

[дневник Ф. М. Достоевского 1881 г., полемические возражения критику Кавелину].

«Главный вопрос <...> тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование божие»

[письмо Ф. М. Достоевского А. Н. Майкову 25 марта (6 апреля) 1870 г. из Дрездена].

Глава 1

Родом из детства: «...дух ли светлый облобызал меня...»

«Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь».

«Знайте же, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение»

[речь Алеши Карамазова у камня. Роман «Братья Карамазовы». Эпилог (15, 195)].

В биографии Ф. М. Достоевского О. Ф. Миллера излагается эпизод из раннего детства Достоевского, хорошо ему запомнившийся, как няня привела его, трехлетнего, в гости-

ную, где были гости, заставила встать на колени перед образами и прочесть молитву, которую он обычно читал перед сном: «Все упование, Господи, на Тебя возлагаю. Матерь Божия, сохрани мя под кровом Своим». Гости обласкали маленького Достоевского и говорили: «Ах, какой умный мальчик!» Эту молитву Достоевский читал всю жизнь сам и напутствовал ею перед сном своих детей***.

«Но и до того еще как читать научился, помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное, еще восьми лет от роду. Повела матушка меня одного (не помню, где был тогда брат) во храм господень, в страстную неделю в понедельник к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь божьи лучи, и, входя к ним волнами, как бы таял в них фимиам. Смотрел я умиленно, и в первый раз от роду принял я тогда в душу первое семя слова божия осмысленно»

[слова старца Зосимы. Роман «Братья Карамазовы». Книга шестая. О священном писании в жизни отца Зосимы (14, 264)].

«...А вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять Дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно... — Господи! Это все так и было, — сплеснула мать ру-

ками, — и голубочка того как есть помню. Ты перед самой чашей встрепенулся и кричишь: «Голубок, голубок!»

[роман «Подросток». Часть 1, гл. 6 (13, 92)].

Ф. М. Достоевский рассказывал о себе в раннем детстве своему биографу: «По старшинству я родился вторым, был прыток, любознателен, настойчив в этой любознательности, прямо-таки надоедлив — и даровит. Года в три, что ли, выдумал слагать сказки, да еще мудреные, пожалуй, замысловатые, либо страшные, либо с оттенком шутливости»****.

Мать писателя возила сына в Троице-Сергиеву лавру. Его брат А. М. Достоевский в своих «Воспоминаниях» отмечал горячий и пылкий нрав брата. Отец будущего писателя М. А. Достоевский с тревогой повторял сыну: «Эй, Федя, уймись, не сдобровать тебе... быть тебе под красной шапкой!»*****

...Слезы ли чьи, мать ли моя умолила бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение — не знаю, но черт был побежден.

«Митя хоть и заговорил сурово, но видимо еще более стал стараться не забыть и не упустить ни одной черточки из передаваемого. Он рассказал, как он перескочил через забор в сад отца, как шел до окна и обо всем наконец, что было под окном. <...> Когда же рассказал, как он решился наконец дать отцу знак, что пришла Грушенька и чтобы тот отворил окно, то прокурор и следователь совсем не обратили внимания на слово “знак”, как бы не поняв вовсе, какое зна-

чение имеет тут это слово, так что Митя это даже заметил. Дойдя наконец до того мгновения, когда, увидев высушившегося из окна отца, он вскипел ненавистью и выхватил из кармана пестик, он вдруг как бы нарочно остановился. Он сидел и глядел в стену и знал, что те так и впились в него глазами.

— Ну-с, — сказал следователь, — вы выхватили оружие и... и что же произошло затем?

— Затем? А затем убил... хватил его в темя и раскроил ему череп... Ведь так по-вашему, так! — засверкал он вдруг глазами. Весь потухший было гнев его вдруг поднялся в его душе с необычайною силой.

— По-нашему, — переговорил Николай Парфенович, — ну, а по-вашему?

Митя опустил глаза и долго молчал.

— По-моему, господа, по-моему, вот как было, — тихо заговорил он: — слезы ли чьи, мать ли моя умолила бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение — не знаю, но черт был побежден. Я бросился от окна и побежал к забору... Отец испугался, и в первый раз тут меня рассмотрел, вскрикнул и отскочил от окна, — я это очень помню. А я через сад к забору... вот тут-то и настиг меня Григорий, когда уже я сидел на заборе...»

[рассказ Мити Карамазова во время следствия о том, как он не убил отца Федора Павловича Карамазова. Роман «Братья Карамазовы». Книга девятая, гл. V «Третье мытар-

ство» (14, 425–426)].

Спасительные детские воспоминания, в том числе память о любимой умершей матери, стали тем глубинным жизненным материалом, который Достоевский художественно переработал и воплотил в ключевой сюжетной сцене своего последнего романа «Братья Карамазовы». Любимая мать Ф. М. Достоевского Мария Федоровна скончалась в 37 лет, в один год с гибелью А. С. Пушкина, оставив на попечение мужа семерых детей. Братья Достоевские, Федор и Михаил, переживали смерть поэта как семейную трагедию. А. М. Достоевский вспоминал, как Федор, которому в то время шел шестнадцатый год, не раз повторял брату Михаилу, что «ежели бы у нас не было семейного траура, то он просил бы отца носить траур по Пушкину» ***** . Ф. М. Достоевский так остро переживал эту двойную утрату, что перед отъездом в Петербург у него открылась горловая болезнь, на время лишившая его голоса.

Мужик Марей и русский народ-богоносец

«Уж я тебя волку не дам! — прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь, — ну, Христос с тобой, ну ступай, — и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился <...> и только бог, может быть, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственной нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского

мужика...»

«Во все мои четыре года каторги я вспоминал непрерывно все мое прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова. Эти воспоминания вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом мало-помалу выросло в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление. Я анализировал эти впечатления, придавал новые черты уже давно прожитому и, главное, поправлял его, поправлял непрерывно, в этом состояла вся забава моя. На этот раз мне вдруг припомнилось почему-то одно незаметное мгновение из моего первого детства, когда мне было всего девять лет от роду, — мгновенье, казалось бы, мною совершенно забытое; но я особенно любил тогда воспоминания из самого первого моего детства. Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветреный; лето на исходе, и скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками, и мне так жалко покидать деревню. Я прошел за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск — так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой рожи. И вот я забился гуце в кусты и слышу, как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик. Я знаю, что он пашет круто в гору и лошадь идет трудно, и до меня изредка долетает его окрик: “Ну-ну!” Я почти всех наших мужиков знаю, но не знаю, кото-

рый это теперь пахнет, да мне и все равно, я весь погружен в мое дело, я тоже занят: я выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать им лягушек; хлысты из орешника так красивы и так непрочны, куда против березовых. Занимают меня тоже букашки и жучки, я их собираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленьких, проворных, красно-желтых ящериц, с черными пятнышками, но змеек боюсь. Впрочем, змейки попадаются гораздо реже ящериц. Грибов тут мало; за грибами надо идти в березняк, и я собираюсь отправиться. И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ежиками и белками, с его столь любимым мною сырым запахом перетлевших листьев. И теперь даже, когда я пишу это, мне так и послышался запах нашего деревенского березняка: впечатления эти остаются на всю жизнь. Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: "Волк бежит!" Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на паиущего мужика.

Это был наш мужик Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его все звали Мареем, — мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в темно-русой окладистой бороде. Я знал его, но до того никогда почти не случалось мне заговорить с ним. Он даже остановил кобыленку, заслышав крик мой, и когда я, разбежавшись, уцепился одной рукой за его соху, а другою за его рукав, то он разглядел мой испуг.

— Волк бежит! — прокричал я, задыхаясь.

Он вскинул голову и невольно огляделся кругом, на мгновение почти мне поверив.

— Где волк?

— Закричал... Кто-то закричал сейчас: “Волк бежит”...

— пролепетал я.

— Что ты, что ты, какой волк, померещилось; вишь! Какому тут волку быть! — бормотал он, ободряя меня. Но я весь трясся и еще крепче уцепился за его зипун, и, должно быть, был очень бледен. Он смотрел на меня с беспокойною улыбкою, видимо боясь и тревожась за меня.

— Ишь ведь испужался, ай-ай! — качал он головой. — Полно, родной. Ишь, малец, ай!

Он протянул руку и вдруг погладил меня по щеке.

— Ну, полно же, ну, Христос с тобой, окстись. — Но я не крестился; углы губ моих вздрагивали, и, кажется, это особенно его поразило. Он протянул тихонько свой толстый с черным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ.

— Ишь ведь, ай, — улыбнулся он мне какою-то материнскою и длинною улыбкой, — господи, да что это, ишь ведь, ай, ай!

Я понял наконец, что волка нет и что мне крик “Волк бежит!” померещился. Крик был, впрочем, такой ясный и отчетливый, но такие крики (не об одних волках) мне уже раз или два и прежде мерещились, и я знал про то. (Потом,

с детством, эти галлюцинации прошли.)

— Ну, я пойду, — сказал я, вопросительно и робко смотря на него.

— Ну и ступай, а я те вослед посмотрю. Уж я тебя волку не дам! — прибавил он, все так же матерински мне улыбаясь, — ну, Христос с тобой, ну ступай, — и он перекрестил меня рукой и сам перекрестился. Я пошел, оглядываясь назад почти каждые десять шагов. Марей, пока я шел, все стоял с своей кобыленкой и смотрел мне вслед, каждый раз кивая мне головой, когда я оглядывался. Мне, признаться, было немножко перед ним стыдно, что я так испугался, но шел я, все еще очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогор оврага, до первой риги; тут испуг соскочил совсем, и вдруг откуда ни возьмись бросилась ко мне наша дворовая собака Волчок. С Волчком-то я уж вполне ободрился и обернулся в последний раз к Марейю; лица его я уже не мог разглядеть ясно, но чувствовал, что он все точно так же мне ласково улыбается и кивает головой. Я махнул ему рукой, он махнул мне тоже и тронул кобыленку.

— Ну-ну! — послышался опять отдаленный окрик его, и кобыленка потянула опять свою соху.

Все это мне разом припомнилось, не знаю почему, но с удивительною точностью в подробностях. Я вдруг очнулся и присел на нарах и, помню, еще застал на лице моем тихую улыбку воспоминания. С минуту еще я продолжал припоминать.

Я тогда, придя домой от Марья, никому не рассказал о моем "приключении". Да и какое это было приключение? Да и об Марье я тогда очень скоро забыл. Встречаясь с ним потом изредка, я никогда даже с ним не заговаривал, не только про волка, да и ни об чем, и вдруг теперь, двадцать лет спустя, в Сибири, припомнил всю эту встречу с такою ясностью, до самой последней черты. Значит, залегла же она в душе моей не приметно, сама собой и без воли моей, и вдруг припомнилась тогда, когда было надо; припомнилась эта нежная, материнская улыбка бедного крепостного мужика, его кресты, его покачиванье головой: "Ишь ведь, испужался малец!" И особенно этот толстый его, запачканный в земле палец, которым он тихо и с робкою нежностью прикоснулся к вздрагивающим губам моим. Конечно, всякий бы ободрил ребенка, но тут в этой уединенной встрече случилось как бы что-то совсем другое, и если б я был собственным его сыном, он не мог бы посмотреть на меня сияющим более светлую любовью взглядом, а кто его заставлял? Был он собственный крепостной наш мужик, а я все же его барчонок; никто бы не узнал, как он ласкал меня, и не наградил за то. Любил он, что ли, так уж очень маленьких детей? Такие бывают. Встреча была уединенная, в пустом поле, и только бог, может быть, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственной нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русско-

го мужика, еще и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе. Скажите, не это ли разумел Константин Аксаков, говоря про высокое образование народа нашего?

И вот, когда я сошел с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моем. Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную силу песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце»

[рассказ «Мужик Марей». «Дневник писателя», 1876 г., февраль (22, 47–49)].

Это детское впечатление Ф. М. Достоевского впоследствии станет основой его философии «почвенничества», а также отразится в его позднейших романах, особенно в романе «Бесы», где идею о русском народе-богоносце будет излагать Шатов.

«Единый народ-“богоносец” — это русский народ...»

«Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический ма-

териал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов. Единый народ-“богоносец” — это русский народ...»

[слова Шатова в разговоре со Ставрогиным. Роман «Бесы». Часть 2, гл. 1 (10, 200)].

«Всю жизнь это воспоминание меня преследует...»

«...Какой-то мерзавец, в пьяном виде, изнасиловал эту девочку, и она умерла, истекая кровью... Меня послали за отцом в другой флигель больницы, прибежал отец, но было уже поздно. Всю жизнь это воспоминание меня преследует, как самое ужасное преступление, как самый страшный грех, для которого прощения нет и быть не может, и этим самым страшным преступлением я казнил Ставрогина в “Бесах”»

(устный рассказ Ф. М. Достоевского в салоне А. П. Фило-софовой в конце 1870-х гг. ^{*****}).

Речь идет об эпизоде из детства писателя, когда ему не было еще десяти лет. В московской Мариинской больнице на Божедомке, где врачом служил отец Достоевского, на больничном дворе будущий писатель много раз играл с девочкой-сверстницей, дочкой кучера или повара. «Это был хруп-

кий, грациозный ребенок лет девяти, — рассказывал Достоевский. — Когда она видела цветок, пробивающийся между камней, то всегда говорила: “Посмотри, какой красивый, какой добрый цветочек!”». Трагедия, свидетелем которой стал Достоевский-ребенок, ранила его душу так сильно, что в своих романах он неоднократно обращался к этому мучительному сюжету. В «Преступлении и наказании» Свидригайлову снится сон, в котором он видит растленную им девочку. В романе «Бесы», в главе «Исповедь Ставрогина», не вошедшей в основной текст романа, Достоевский рисует жестокую сцену, где обиженная Ставригиным 10-летняя девочка Матреша грозит ему кулаком.

Мнимый друг Достоевского критик Н. Н. Страхов после смерти писателя в письме к Л. Н. Толстому оклеветал Достоевского в грехе насилия над ребенком, отождествив его со Свидригайловым и Ставригиным. А. Г. Достоевская встала на защиту умершего мужа в своих «Воспоминаниях», опубликовав отдельную главу «Ответ Страхову». Жена Достоевского с негодованием писала: «Письмо Н. Н. Страхова возмутило меня до глубины души. Человек, десятки лет бывавший в нашей семье, испытывавший со стороны моего мужа такое сердечное отношение, оказался лжецом, позволившим взвести на него такие гнусные клеветы! Было обидно за себя, за свою доверчивость, за то, что оба мы с мужем так обманулись в этом недостойном человеке»
*****

Глава 2

Петербург. Инженерный замок. Учеба в Главном инженерном училище

«Мы, которые бьемся из последнего рубля, должны платить, когда другие, — дети богатых отцов, приняты безденежно...»

[письмо Ф. М. Достоевского отцу М. А. Достоевскому от 4 февраля 1838 г. из Петербурга (28 (I), 47)].

При поступлении братьев Михаила и Федора в Главное инженерное училище их отец Михаил Андреевич Достоевский хлопотал о принятии Федора на казенный кошт (брат Михаил не был принят по здоровью). Такие хлопоты были вызваны тем, что Михаил Андреевич, в прошлом врач Мариинской больницы для бедных, уходил в отставку и должен был содержать семерых детей на свою пенсию и весьма скромный доход с имения. Начальник училища генерал Шарнгорст объявил, будто в училище нет «ни одной казенной вакансии». За учебу Федора Достоевского внесла плату в размере 950 рублей его тетка — московская купчиха А. Ф. Куманина. Случайно Достоевский узнал, что истинными причинами, по которым ему было отказано в казенном со-

держании, были взятки, а также протекционизм начальника училища. Достоевский писал отцу 4 февраля 1838 г.: «... уже после экзамена генерал постарался о принятии четырех новопоступивших на казенный счет <...> Какая подлость! Это меня совершенно поразило. Мы, которые бьемся из последнего рубля, должны платить, когда другие, дети богатых отцов, приняты безденежно...» [28 (I), 47]. Благодаря протекции ученики, экзаменовавшиеся гораздо хуже Достоевского, без труда переходили в следующий класс, а Достоевского оставили на второй год в третьем кондукторском классе только потому, что он «нагрубил» преподавателю алгебры.

«Я видел мальчиков тринадцати лет, уже рассчитавших в себе всю жизнь: где какой чин получить, что выгоднее, как деньги загребать (я был в инженерах) и каким образом можно скорее дотянуть до обеспеченного, независимого командирства!»

[письмо Ф. М. Достоевского к И. В. Ждан-Пушкину от 17 мая 1858 г. из Семипалатинска (28 (I), 309)].

В январе 1838 г. Достоевский переселяется в Инженерный, или, иначе, Михайловский замок, где находилось Главное инженерное училище, облачается в черный мундир с красными погонами, получает кивер с красным помпоном и в числе 125 других воспитанников именуется теперь кондуктором (так называли их, чтобы отличать от кадетов).

Острый, пронизательный взгляд будущего писателя с изумлением отмечал, сколь отчетливо в Инженерном учили-

ще проявлялись характеры людей, как яростно сталкивались здесь добро и зло, великодушные и подлость.

Мрачный и величественный Михайловский замок, воздвигнутый по проекту знаменитого русского зодчего В. И. Баженова итальянским архитектором Бренной, — одно из сильнейших художественных впечатлений Достоевского тех лет.

Здесь воспитанникам показывали, где была тронная зала императора Павла I, его спальня, столовая, кухня, проводили по лестнице и коридору, выходявшему к каналу, где когда-то стояла лодка; в одной из овальных комнат Достоевский видел крюк, на котором висел голубь, под каким секта хлыстов совершала свои «радения». По коридорам совсем недавно бродил, как призрак прошлого, девяностолетний кастаньян замка Иван Семенович Брызгалов в старинном мундире, высоких ботфортах, в шляпе павловских времен и с длинной тростью.

По этим гулким темным коридорам, где теперь на занятия шагал кондуктор Федор Достоевский, без малого три десятка лет назад бежали гвардейцы Преображенского полка, нарочито громко стуча сапогами, распаляя в себе отчаянную решимость убить царя Павла I.

Быть может, в душе юного Достоевского уже в то время еще неясно замерцала идея будущего романа «Братья Карамазовы» — его последнего великого романа. По крайней мере, тема предательства, тема отцеубийства, когда царь Алек-

сандр I безмолвно одобрил убийство отца и стал участником дворцового переворота, наверняка не раз приходила в голову будущему писателю.

Немало выдающихся людей окончили Главное инженерное училище. Среди них физиолог Илья Сеченов, организатор Севастопольской обороны Эдуард Тотлебен, покоритель Хивы и Самарканда Константин Кауфман. В 20-е гг. XIX в. в Инженерном училище среди лучших воспитанников значились ученик офицерского класса Дмитрий Брянчанинов и его ближайший друг поручик Чихачев. Неожиданно для всех они подали в отставку и ушли послушниками в монастырь. Позднее Дмитрий Брянчанинов получил в постриге имя Игнатия и стал знаменитым русским святителем.

Возможно, историю Брянчанинова и Чихачева, ходившую в качестве легенды в стенах Инженерного училища, Достоевский использовал при создании образа старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». Ведь Зосима в миру тоже был офицером.

По воспоминаниям дежурного офицера А. М. Савельева, Достоевский «и в юности был по виду таким же стариком, каким был в зрелые годы»^{*****}. В училище его прозвали монахом Фотием за невозмутимый и спокойный: нрав, молчаливость и глубокую религиозность: он усердно исполнял обязанности православного христианина, в руках у него часто можно было видеть Евангелие и молитвенник, после урока Закона Божьего Достоевский обычно долго беседовал

о вере со священником, отцом Полуэктовым. Когда Федора Михайловича пытались вызвать на откровенность, он часто отвечал словами Монтескье: «Никогда не говорите правды в ущерб вашей добродетели». Он был враг заискивания перед высшим начальством и с презрением смотрел на льстецов, извлекавших из своей лести всяческие выгоды. Такой человек, с непреклонной волей и твердыми жизненными принципами, разумеется, не мог не заслужить уважение товарищей, поневоле чувствовавших умственное и нравственное превосходство Достоевского ***** .

«Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?»

«Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»

[повесть «Записки из подполья». Слова «подпольного человека», иначе называемого «парадоксалистом» (5, 174)].

Эта крылатая фраза «подпольного человека» из повести «Записки из подполья» родилась в сознании будущего писателя значительно раньше, еще в пору его жизни в Главном инженерном училище, когда Достоевский, проходивший полковые учения, находился в крайне стесненных обстоятельствах и вынужден был просить денег у отца на самое необходимое. В письме к отцу М. А. Достоевскому от 10 мая 1839 г. Достоевский писал: «Будь я на воле, на свободе, отдан самому себе, я бы не требовал от Вас копейки; я обжился бы с

железную нуждою. Стыдно было бы тогда мне и заикнуться о помощи <...> иметь чай, сахар <...> необходимо не из одного приличия, а из нужды. Когда вы мокнете в сырую погоду под дождем в полотняной палатке или в такую погоду придя с ученья усталый, озябший, без чаю можно заболеть, что со мной случилось прошлого года на походе. Но все-таки я, уважая Вашу нужду, не буду пить чаю...» [28 (I), 60].

«Посылают же таких дураков!»

(из устного рассказа Ф. М. Достоевского жене А. Г. Достоевской)

С Достоевским во время его пребывания в Главном инженерном училище случился неприятный анекдот, о котором он много позже рассказывал своей второй жене Анне Григорьевне Достоевской, записавшей его рассказ. Достоевского отправили в ординарцы к брату императора Николая I великому князю Михаилу Павловичу, под патронатом которого находилось Главное инженерное училище. Достоевский оробел и, рапортуя, вместо того чтобы сказать: «К вашему императорскому высочеству», сказал: «К вашему превосходительству», обратившись к великому князю, точно к обыкновенному генералу. «Посылают же таких дураков!» — до глубины души возмутился великий князь и распек как неудавшегося ординарца, так и его начальство.

«Какой дурак это чертил?»

(из устного рассказа Ф. М. Достоевского доктору С. Д. Яновскому)

В конце июня 1843 г. Достоевский завершает сдачу выпускных экзаменов и выпускается из Главного инженерного училища в чине подпоручика, а 23 августа он зачислен «при Санкт-Петербургской инженерной команде, с употреблением при чертежной инженерного департамента». Ежедневно с девяти до двух он ходит на службу в Главное инженерное управление, расположенное в Инженерном замке. Он крайне нуждается, живет в состоянии полного безденежья, даже занимает деньги у отставного унтер-офицера.

Служба в Инженерном управлении, как видно, не пришлась по душе Достоевскому. Его знакомый А. Е. Ризенкампф вспоминал, что Достоевский обычно всю ночь проводил за чтением, а чаще — за писанием рассказов. Утром он был не в духе, раздражался по пустякам, ссорился с денщиком и, проклиная свою службу, отправлялся в Инженерное управление, при этом постоянно жаловался на не благоволивших к нему старших инженерных офицеров и, хотя в записке командира Санкт-Петербургской инженерной команды инженер-подполковника Дурона за 1843 г. замечаний по службе у полевого инженер-поручика Достоевского не отмечено, будущий писатель, по словам Ризенкампфа, только и мечтал о скорейшем выходе в отставку.

И действительно, 21 августа 1844 г. Достоевский подаст прошение об отставке «по домашним обстоятельствам». Сам Достоевский позднее объяснял причину своей отставки следующим анекдотическим рассказом, который записал

лечивший писателя доктор С. Д. Яновский: «... кончая курс учения в Инженерном училище, я должен был представить практическую работу на заданную тему. Работу эту я кончил, и она, быв рассмотрена и одобрена в Совете, поступила на окончательную апробацию императора Николая Павловича. Государь, как только взглянул на мой чертеж, тотчас увидел, что в изображенной мною крепости нет ни одних ворот! Эта моя ошибка, прошедшая не замеченною включительно до глаза директора, сразу была замечена царем, и он написал на моем чертеже: “Какой дурак это чертил?” Мне надпись эта была предъявлена в подлиннике; я видел ее покрытою клеем и тот же час порешил: оставить то ведомство, в котором кличка эта сама собою, разумеется, осталась бы за мною на всю жизнь»

*****

.

Глава 3

Блистательный литературный дебют

«Титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники...»

[фельетон «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (19, 71)].

Достоевский в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе», спустя 16 лет после написания романа «Бедные люди», рассказывает о том, как одновременно с замыслом первого романа он почувствовал в себе рождение писателя, художественным методом которого станет, по его собственному определению, «фантастический реализм»: «Помню раз, в зимний январский вечер, я спешил с Выборгской стороны к себе домой. Был я тогда еще очень молод. Подойдя к Неве, я остановился на минутку и бросил пронзительный взгляд вдоль реки, в дымную, морозно-мутную даль, вдруг заалевшую последним пурпуром зари, догоравшей в мгlistом небосклоне. <...>

Казалось, наконец, что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми, со всеми жилищами их, приютами нищих или раззолоченными палатами, в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу,

на сон, который в свою очередь тотчас исчезнет и искуритя паром к темно-синему небу. Какая-то странная мысль вдруг зашевелилась во мне. Я вздрогнул, и сердце мое как бы облилось в это мгновение горячим ключом крови, вдруг вскипевшей от прилива могущественного, но доселе незнакомо-го мне ощущения. Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но еще не осмысленно; как будто прозрел во что-то новое, совершенно новый мир, мне незнакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что в эти минуты началось мое существование. <...>

И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон-Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники и в то же время как будто какие-то фантастические титулярные советники. <...> И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся их история» (19, 69; 71).

«Это вещь строгая и стройная...»

«Моим романом я серьезно доволен. Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочем, ужасные недостатки»

[письмо Ф. М. Достоевского к брату М. М. Достоевскому от 24 марта 1845 г. из Петербурга [28 (1), 107]].

В мае — ноябре 1844 г. Достоевский работает над первой редакцией романа «Бедные люди». В романе «Униженные и оскорбленные» Иван Петрович, своеобразный alter ego писателя (его Достоевский делает автором своего первого романа, оцененного критиком Б.), ностальгически вспоминает дни творчества: «Если я был счастлив когда-нибудь, то это даже и не во время первых упоительных минут моего успеха, а тогда, когда еще я не читал и не показывал никому моей рукописи: в те долгие ночи, среди восторженных надежд и мечтаний и страстной любви к труду; когда я сжился с моей фантазией, с лицами, которых сам создал, как с родными, как будто с действительно существующими; любил их, радовался и печалился с ними, а подчас даже и плакал самыми искренними слезами над незатейливым героем моим» (3, 186). Эти слова героя Достоевского явно автобиографичны.

В марте 1845 г. Достоевский завершает работу над второй редакцией романа. Писатель Д. В. Григорович, деливший одну квартиру с Достоевским, вспоминал: «Когда я стал жить с Достоевским, он только что кончил перевод романа Бальзака “Евгения Гранде”. Бальзак был нашим любимым писателем... Достоевский между тем просиживал целые дни и часть ночи за письменным столом. Он слова не говорил о том, что пишет; на мои вопросы он отвечал неохотно и лаконически; зная его замкнутость, я перестал спрашивать. Я мог только видеть множество листов, исписанных тем почерком, который отличал Достоевского: буквы сыпались у него

из-под пера точно бисер, точно нарисованные... Как только Достоевский переставал писать, в его руках немедленно появлялась книга. <...> Усиленная работа и упорное сидение дома крайне вредно действовали на его здоровье; они усиливали его болезнь, проявлявшуюся несколько раз еще в юности, в бытность его в училище. Несколько раз во время наших редких прогулок с ним случались припадки. <...> После таких припадков наступало обыкновенно угнетенное состояние духа, продолжавшееся дня два или три»^{*****}.

«А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву»

[письмо Ф. М. Достоевского к брату М. М. Достоевскому от 4 мая 1845 г. из Петербурга [28 (1), 110)].

В апреле 1845 г. «Бедные люди» подвергаются коренной и последней переделке. 4 мая того же года Ф. М. Достоевский пишет брату Михаилу: «Я до сей самой поры был чертовски занят. Этот мой роман, от которого я никак не могу отвязаться, задал мне такой работы, что, если бы я знал, так не начинал бы его совсем. Я задумал его еще раз переправлять и, ей-богу, к лучшему; он чуть ли не вдвое выиграл. Но уж теперь он кончен, и эта переправка была последней. Я слово дал до него не дотрогиваться» [28 (1), 108)].

«— Новый Гоголь явился! — У вас Гоголи-то как грибы растут...»

[«Дневник писателя», 1877 г., январь (25, 30)].

В мае 1845 г. Достоевский отдает Н. А. Некрасову рукопись романа «Бедные люди». Д. В. Григорович и Некрасов

вместе читают роман до четырех часов утра и тотчас отправляются к Достоевскому сообщить об успехе романа. Достоевский вспоминал: «Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: “С десяти страниц видно будет”. Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал... Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: “Что ж такое, что спит, мы разбудим его. Это выше сна!”» После ухода Григоровича и Некрасова Достоевский не мог заснуть: «Какой восторг, какой успех, а главное — чувство было дорого, помню ясно» [«Дневник писателя», 1877 г., январь (25, 29)].

На следующий день Некрасов передает рукопись романа В. Г. Белинскому со словами: «Новый Гоголь явился!» Белинский строго смотрит на Некрасова и замечает: «У вас Гоголи-то как грибы растут!» — но рукопись берет (25, 30). После прочтения он просит Некрасова привести к нему автора. Позднее Белинский характеризует «Бедных людей» как «первый у нас опыт социального романа».

«Самая восхитительная минута...»

«Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая ее, укреплялся духом. Теперь еще вспоминаю ее каждый раз с восторгом»

[«Дневник писателя», 1877 г., январь (25, 31)].

В июне 1845 г. происходит встреча Белинского и Досто-

евского. Белинский восторженно отзывается о романе «Бедные люди» и «пламенно, с горящими глазами» напутствует Достоевского словами: «Да вы понимаете ль сами-то, — повторял он мне несколько раз и вскрикивал по своему обыкновению, — что это вы такое написали! Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы нам указали? Не может быть, чтобы вы, в ваши двадцать лет, уже это понимали. Да ведь этот ваш несчастный чиновник — ведь он до того заслужился и до того довел себя уже сам, что даже и несчастным-то себя не смеет почесть от приниженности и почти за вольнодумство считает малейшую жалобу, даже право на несчастье за собой не смеет признать, и когда добрый человек, его генерал, дает ему эти сто рублей — он раздроблен, уничтожен от изумления, что такого, как он, мог пожалеть “их превосходительство”, не его превосходительство, а “их превосходительство”, как он у вас выражается! А эта оторвавшаяся пуговица, а эта минута целования генеральской ручки, — да ведь тут уже не сожаление к этому несчастному, а ужас, ужас! В этой благодарности-то его ужас! Это трагедия!.. Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным, и будете великим писателем!..» (25, 30).

Глава 4

Триумф славы и развенчание героя

«Кто этот Достоевский? Где мне достать Достоевского?»

[письмо Ф. М. Достоевского к брату М. М. Достоевскому от 16 ноября 1845 г. из Петербурга [28 (1), 115]].

«Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное. Я познакомился с бездной народу самого порядочного. Князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением, а граф Соллогуб рвет на себе волосы от отчаяния. Панаев объявил ему, что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обегал всех и, зашедши к Краевскому, вдруг спросил его: “Кто этот Достоевский? Где мне достать Достоевского?” Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напропалую, отвечает ему, что “Достоевский не захочет Вам сделать чести осчастливить Вас своим посещением”. Оно и действительно так: аристократишка теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня величием своей ласки. Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоев<ский> то-то сказал,

Достоев<ский> то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более. На днях воротился из Парижа поэт Тургенев (ты, верно, слышал) и с первого раза привязался ко мне такую привязанностию, такую дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, — я не знаю, в чем природа отказала ему? Наконец: характер неистоичимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе. Прочти его повесть в “От<ечественных> записк<ах>”. “Андрей Колосов” — это он сам, хотя и не думал тут себя выставлять» [28 (1), 115)].

Письмо Ф. М. Достоевского брату сильно смахивает на монолог Хлестакова. Он упоен внезапной славой, бывает в аристократических салонах князей Сологуба и Одоевского, графа Виельгорского, влюбляется в красавицу и умницу Авдотью Панаеву, уверяет брата, что у него «преблистательное будущее». С энтузиазмом начинает работу над повестью «Двойник». Тем временем критики ругают роман «Бедные люди», что вовсе не печалит Достоевского. 1 февраля 1846 г. он пишет брату Михаилу в том же упоении: «“Бедные люди” вышли еще 15-го. Ну, брат! Какую ожесточенную брань встретили их везде! В “Иллюстрации” я читал не критику, а ругательство. В “Северной пчеле” было черт знает что такое. Но я помню, как встречали Гоголя, и все мы знаем, как встречали Пушкина. Даже публика в остервенении: ру-

гают $\frac{3}{4}$ читателей, но $\frac{1}{4}$ (да и то нет) хвалит отчаянно. Débats [дебаты] пошли ужаснейшие. Ругают, ругают, ругают, а все-таки читают. (Альманах расходуется неестественно, ужасно. Есть надежда, что через 2 недели не останется ни одного экземпляра.) Так было и с Гоголем. Ругали, ругали его, ругали — ругали, а все-таки читали и теперь помирились с ним и стали хвалить. Сунул же я им всем собачью кость! Пусть грызутся — мне славу, дурачье, строят. До того осрамиться, как “Северная пчела” своей критикой, есть верх посрамления. Как неистово-глупо! Зато какие похвалы слышу я, брат! Представь себе, что наши все и даже Белинский нашли, что я даже далеко ушел от Гоголя. В “Библиотеке для чтения”, где критику пишет Никитенко, будет огромный разбор “Бедных людей” в мою пользу. Белинский подымает в марте месяце трезвон. Одоевский пишет отдельную статью о “Бедных людях”. Соллогуб, мой приятель, тоже. Я, брат, пустился в высший свет и месяца через три лично расскажу тебе все мои похождения.

В публике нашей есть инстинкт, как во всякой толпе, но нет образованности. Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может. Роман находят растянутым, а в нем слова лишнего нет. Во мне находят новую оригинальную струю (Белинский и прочие), состоящую в том, что я действую Анализом, а не Синтезом, то

есть иду в глубину и, разбирая по атомам, отыскиваю целое, Гоголь же берет прямо целое и оттого не так глубок, как я. Прочтешь и сам увидишь. А у меня будущность преблистательная, брат!» [28 (1), 117].

2 (14) мая 1846 г. Н. В. Гоголь пишет из Генуи письмо к А. М. Виельгорской, в котором оценивает роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди», опубликованный в «Петербургском сборнике Н. А. Некрасова» (СПб., 1846), следующим образом: «В авторе <...> виден талант, выбор предметов говорит в пользу его качеств душевных, но видно также, что он еще молод <...> все бы оказалось гораздо живей и сильнее, если бы было более сжато» ***** .

В февральском выпуске «Отечественных записок» В. Г. Белинский дал хвалебный отзыв о романе «Бедные люди»: «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах, и говорит о них обитателям раззолоченных палат: “Ведь это тоже люди, ваши братья!”» ***** .

«... Серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил...»

«Повесть эта мне положительно не удалась, но идея ее была довольно светлая, и серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил. Но форма этой повести мне не удалась совершенно. Я сильно исправил ее потом, лет 15 спустя, для тогдашнего “общего собрания” моих сочинений, но и тогда опять убедился, что это вещь совсем не удавшаяся»

яся, и если бы я теперь принялся за эту идею и изложил ее вновь, то взял бы совсем другую форму. Но в 46-м году этой формы я не нашел и повести не осилил»

[«Дневник писателя», 1877 г., ноябрь (26, 65)].

Так спустя три десятилетия после выхода повести «Двойник» писал о ней Достоевский. Мотив «двойничества», опробованный в «Двойнике», он потом блестяще реализовал в последнем своем романе «Братья Карамазовы»: Иван и черт, Иван и Смердяков. Но уже и в «Преступлении и наказании» этот мотив звучит отчетливо (Раскольников — Свидригайлов, Раскольников — Лужин, Соня Мармеладова — Лизавета). В «Двойнике» впервые появляется употреблявшийся в Инженерном училище глагол «штушеваться», чем впоследствии гордился писатель, говоря, что он «ввел и употребил это слово в литературе первый раз...» (26, 65).

В. Г. Белинский в мартовской книжке «Отечественных записок» за 1846 г. сдержанно хвалил Достоевского: «...“Двойник” носит на себе отпечаток таланта огромного и сильного, но еще молодого и неопытного: отсюда все его недостатки, но отсюда же и все его достоинства»^{*****}.

Этот отзыв приводит Достоевского в состояние болезни. «Вот что гадко и мучительно, — писал он брату Михаилу 1 апреля 1846 г. из Петербурга, — свои, наши, Белинский и все мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление было безотчетный восторг, говор, шум, толки. Второе — критика <...> Что же касается до меня, то я даже на некото-

рое мгновение впал в уныние. У меня есть ужасный порок — неограниченное самолюбие и честолюбие. Идея о том, что я обманул ожидания и испортил вещь, которая могла бы быть великим делом, убивала меня. Мне Голядкин опротивел. Многие в нем писано наскоро и в утомлении. Рядом с блистательными страницами есть скверность, дрянь, из души воротит, читать не хочется. Вот это-то и создало мне на время ад, и я заболел от горя» [28 (1), 119–120].

«... Я завел процесс со всею нашей литературою...»

«Мне все кажется, что я завел процесс со всею нашей литературою, журналами и критиками и тремя частями романа моего в “Отечеств<енных> записках” и устанавливаю и на этот год мое первенство назло недоброжелателям моим»

[письмо Ф. М. Достоевского к брату М. М. Достоевскому от 17 декабря 1846 г. из Петербурга (28 (1), 135)].

Историю разрыва Ф. М. Достоевского с кружком Белинского раскрывали в своих воспоминаниях А. Я. Панаева и Д. В. Григорович. Панаева вспоминала: «С появлением молодых литераторов в кружке беда была попасть им на зубок, а Достоевский, как нарочно, давал к этому повод своей раздражительностью и высокомерным тоном, что он несравненно выше их по своему таланту. И пошли перемывать ему косточки, раздражать его самолюбие уколами в разговорах; особенно на это был мастер Тургенев — он нарочно втягивал в спор Достоевского и доводил его до высшей степени

раздражения. Тот лез на стену и защищал с азартом иногда нелепые взгляды на вещи, которые сболтнул в горячности, а Тургенев их подхватывал и потешался. <...>

Достоевский заподозрил всех в зависти к его таланту и почти в каждом слове, сказанном без всякого умысла, находил, что желают умалить его произведение, нанести ему обиду <...> Вместо того, чтобы снисходительно смотреть на больного, нервного человека, его еще сильнее раздражали насмешками»^{*****}.

Д. В. Григорович давал свою версию травли Достоевского: «Неожиданность перехода от поклонения и возвышения автора “Бедных людей” чуть ли не на степень гения к безнадежному отрицанию в нем литературного дарования могла сокрушить и не такого впечатлительного и самолюбивого человека, каким был Достоевский. Он стал избегать лиц из кружка Белинского, замкнулся весь в себе еще больше прежнего и сделался раздражительным до последней степени. При встрече с Тургеневым, принадлежавшим к кружку Белинского, Достоевский, к сожалению, не мог сдержаться и дал полную волю накипевшему в нем негодованию, сказав, что никто из них ему не страшен, что дай только время, он всех их в грязь затопчет. <...>

После сцены с Тургеневым произошел окончательный разрыв между кружком Белинского и Достоевским; он больше в него не заглядывал. На него посыпались остроты, едкие эпиграммы, его обвиняли в чудовищном самолюбии, в зави-

сти к Гоголю...»^{*****}.

«Скажу тебе, — пишет Достоевский брату Михаилу 26 ноября 1846 г., — что я имел неприятность окончательно поссориться с “Современником” в лице Некрасова. <...> Теперь они выпускают, что я заражен самолюбием, возмечтал о себе и передаюсь Краевскому затем, что Майков хвалит меня. Некрасов же меня собирается ругать. Что же касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе. Только с ним я сохранил прежние добрые отношения. Он человек благородный. Между тем Краевский, обрадовавшись случаю, дал мне денег и обещал, сверх того, уплатить за меня все долги к 15 декабря. За это я работаю ему до весны. Видишь ли что, брат: из всего этого я извлек премудрое правило. 1-е убыточное дело для начинающего таланта — это дружба с проприетерами изданий, из которой необходимым следствием исходит кумовство и потом разные сальности. Потом независимость положения и, наконец, работа для Святого Искусства, работа святая, чистая, в простоте сердца, которое еще никогда так не дрожало и не двигалось у меня, как теперь перед всеми новыми образами, которые создаются в душе моей» [28 (1), 133–134].

Коллективному творчеству Тургенева, Панаева и Некрасова в конце 1846 г. принадлежит «Послание Белинского к Достоевскому»:

Витязь горестной фигуры,

Достоевский, милый пьщ,

На носу литературы

Рдеешь ты, как новый прыщ...

По свидетельству А. Я. Панаевой, у Некрасова с Достоевским произошло бурное объяснение по поводу этого «Послания»: «... когда Достоевский выбежал из кабинета в переднюю, то был бледен как полотно и никак не мог попасть в рукав пальто, которое ему подавал лакей; Достоевский вырвал пальто из его рук и выскочил на лестницу. Войдя к Некрасову, я нашла его в таком же разгоряченном состоянии. “Достоевский просто сошел с ума! — сказал Некрасов мне дрожащим от волнения голосом. — Явился ко мне с угрозами, чтобы я не смел печатать мой разбор его сочинения в следующем номере. И кто это ему наврал, будто бы я всюду читаю сочиненный мною на него пасквиль в стихах! До бешенства дошел”»^{*****}.

Пасквиль, поначалу ходивший в списках, был опубликован И. И. Панаевым в журнале «Современник» в 1855 г., когда Достоевский отбывал солдатчину в Семипалатинске. Панаев не пожалел недавнего каторжника, набросав словесную карикатуру на образ Достоевского из давнего прошлого: «С этих пор наш маленький гений сделался невыносим: он ни за что не хотел ходить сам по земле или по тротуару, а непре-

менно требовал, чтобы мы его носили на руках и поднимали как можно выше, чтобы все его видели; он беспрестанно злился на нас и кричал: “Выше! Выше!”»^{*****} Литературные враги Достоевского осмеивали и невзрачную внешность писателя, и его наивное честолюбие, и даже обморок, случившийся с ним в салоне графа М. Ю. Виельгорского, когда к нему подвели желавшую познакомиться с модным литератором красавицу Сенявину:

Хоть ты юный литератор,

Но в восторг уж всех поверг:

Тебя знает император,

Уважает Лейхтенберг,

За тобой султан турецкий

Скоро вышлет визирей <...>

Но когда на раут светский,

Перед сонмище князей,

Ставши мифом и вопросом,

Пал чухонскою звездой

И моргнул курносым носом

Перед русой красотой,

Как трагически недвижно

Ты смотрел на сей предмет

И чуть-чуть скоропостижно

Не погиб во цвете лет.

«Этот человек [Белинский] ругал мне Христа по-матерну...»

«Этот человек ругал мне Христа по-матерну, а между тем никогда он не был способен сам себя и всех двигателей всего мира сопоставить со Христом для сравнения. Он не мог заметить того, сколько в нем и в них мелкого самолюбия, злобы, нетерпения, раздражительности, подлости, а главное, самолюбия. Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо Него, неужели себя, тогда как мы так гадки. Нет, он никогда не задумался над тем, что он сам гадок. Он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная ту-пость. Вы говорите, он был талантлив. Совсем нет, и Бо-

же — как наврал о нем в своей поэтической статье Григорьев ***** . Я помню мое юношеское удивление, когда я прислушивался к некоторым чисто художественным его суждениям (н<a>прим<ер>, о “Мертв<ых> душах”). Он до безобразия поверхностно и с пренебрежением относился к типам Гоголя и только рад был до восторга, что Гоголь обличил. Здесь, в эти 4 года, я перечитал его критики: он обругал Пушкина, когда тот бросил свою фальшивую ноту и явился с “Повестями Белкина” и с “Арапом”. Он с удивлением провозгласил ничтожество “Повестей Белкина”. Он в повести Гоголя “Коляска” не находил художественного цельного создания и повести, а только шуточный рассказ. Он отрекся от окончания “Евгения Онегина”. Он первый выпустил мысль о камер-юнкерстве Пушкина. Он сказал, что Тургенев не будет художником, а между тем это сказано по прочтении чрезвычайно значительного рассказа Тургенева “Три портрета”. Я бы мог Вам набрать таких примеров сколько угодно для доказательства неправды его критического чутья и “восприимчивого трепета”, о котором врал Григорьев (потому что сам был поэт). О Белинском и о многих явлениях нашей жизни судим мы до сих пор еще сквозь ничтожество чрезвычайных предрассудков»

[письмо Ф. М. Достоевского к Н. Н. Страхову 18 (30) мая 1871 г. из Дрездена (29 (I), 215–216)].

«В последний год его жизни я уже не ходил к нему. Он меня невзлюбил; но я страстно принял тогда все его учение»

[«Дневник писателя» 1873 г., глава «Старые люди» (21, 12)].

Ф. М. Достоевский рассказывает в «Дневнике писателя» за 1873 г., как Белинский «бросился обращать» его в свою веру: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. <...> В новые нравственные основы социализма (который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла) он верил до безумия и безо всякой рефлексии; тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества. <...> Тут оставалась, однако, сияющая личность самого Христа, с которою всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но в беспрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием, как остановился Ренан, провозгласивший в своей полной безверия книге “Vie de Jésus” [«Жизнь Иисуса»], что Христос все-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый,

которому нельзя уже более повториться даже и в будущем.

— Да знаете ли вы, — взвизгивал он раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, — знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел...

В этот вечер мы были не одни, присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе.

— Мне даже умилительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества.

— Ну не-е-т! — подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он расхаживал взад и вперед по комнате). — Ну нет; если бы теперь появился Христос, он бы примкнул

к движению и стал во главе его...

— Ну да, ну да, — вдруг и с удивительной поспешностью согласился Белинский. — Он бы именно примкнул к социалистам и пошел за ними»

[«Дневник писателя» 1873 г., глава «Старые люди» (21, 10–11)].

Глава 5

Кружок Петрашевского, Алексеевский рavelин Петропавловской крепости и Омский острог

«... У меня с этого времени есть свой Мефистофель».

Ф. М. Достоевский стал посещать «пятницы» М. В. Петрашевского. Петрашевский рассчитывал использовать писательский талант Достоевского для пропаганды фурьеристских идей. П. П. Семенов-Тянь-Шанский утверждал, что в силу своей страстности и горячности «Достоевский был способен выйти на площадь с красным знаменем»^{*****}. Из кружка Петрашевского выделилось несколько человек, настроенных радикальнее других. Они сгруппировались вокруг Н. А. Спешнева, в этот кружок вошел также и Достоевский. Доктор С. Д. Яновский вспоминал, как Достоевского мучило, что он занял у Спешнева около пятисот рублей серебром и теперь вынужден покориться его воле: «Отдать же этой суммы я никогда не буду в состоянии, да он и не возьмет деньгами назад, такой уж он человек». Достоевский обречен-

но повторял: «Понимаете ли вы, что у меня с этого времени
есть свой Мефистофель»^{*****}. В январе 1849 г. Достоевский предлагает поэту Ап. Майкову примкнуть к их тайному кружку, члены которого задумали государственный переворот и даже приобрели типографский станок, чтобы печатать неподцензурную пропагандистскую литературу. Чиновник по особым поручениям при Министерстве внутренних дел И. П. Липранди, бывший приятель А. С. Пушкина, внедряет в кружок Петрашевского тайного агента П. Антонелли, который с января 1849 г. составляет агентурные доклады о членах кружка и антиправительственных разговорах по «пятницам». В ночь с 22 на 23 апреля (по старому стилю) 1849 г. были произведены аресты 34 петрашевцев, в том числе Ф. М. и А. М. Достоевских (последнего вскоре выпустили, так как спутали с другим братом — Михаилом). Начались многодневные допросы, которыми руководил глава III Отделения генерал-лейтенант Л. В. Дубельт. Достоевский держался мужественно и никого не выдал.

«Мне снились тихие, хорошие, добрые сны».

«...Думал, что трех дней не выдержу, и — вдруг совсем успокоился, ведь я там [в крепости] что делал?.. Я писал “Маленького героя” — прочтите, разве в нем видно озлобление, муки? Мне снились тихие, хорошие, добрые сны»^{*****}.

6 мая (24 апреля) 1849 г. Ф. М. Достоевский заключен в камеру № 9 «Секретного дома» Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Поводом для обвинительно-

го приговора послужило чтение Достоевским запрещенного цензурой письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю на «пятнице» в кружке М. В. Петрашевского. Приговор Военно-судной комиссии по делу петрашевцев поступает на окончательное решение в генерал-аудиториат. По этому приговору Ф. М. Достоевский признавался виновным в том, что получил от подсудимого Плещеева «копию с преступного письма литератора Белинского, — читал это письмо в собраниях» (у Дурова, Петрашевского), «передал его для списания копий подсудимому Момбелли», а также «был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием “Солдатская беседа”, за что подсудимый Достоевский лишается всех чинов, прав состояния и подвергается “смертной казни расстрелянием”».

Находясь в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, Достоевский, ожидая приговора, работает над «Детской сказкой» («Маленьким героем»).

Гражданская казнь Ф. М. Достоевского (несостоявшаяся смерть)

«Мы будем вместе с Христом...»

22 декабря (по ст. стилю) 1849 г. Ф. М. Достоевский на Семеновском плацу Петербурга ожидает расстрела вместе с другими петрашевцами. Их облачают в смертную одежду: белый балахон и белый колпак на глаза, «чтобы не видно было ружей», над головами переламывают шпаги. Петрашевского, Момбелли и Григорьева привязывают к столбам и за-

вязывают им глаза. У каждого столба выстраивается команда из 16 солдат. Достоевский «стоял шестым и был во второй очереди», он обнялся с Плещеевым и Дуровым. Петрашевец Ф. Львов вспоминал, как Достоевский, подойдя к Н. А. Спешневу, сказал ему: “*Nous serons avec le Christ*” [«Мы будем вместе с Христом» — фр.], а Спешнев ответил с усмешкой: “*Un peu poussiere*” [«Горстью праха»]. В романе «Идиот» Достоевский в рассказе князя Мышкина описал, как за минуту до казни вглядывался в лучи, сверкавшие на позолоченной крыше собора, «ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольется с нею» (8, 52). Барабаны ударили отбой, привязанных к столбу привели назад и прочитали рескрипт о помиловании, который по высочайшему повелению императора должны были объявить в последнее мгновение, «когда уже все будет готово к исполнению казни». Петрашевец Григорьев, не выдержав жестокой инсценировки, вскоре после гражданской казни сошел с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.